

ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

књ. LXXI, св. 1–2

ISSN 0350–185x

UDK 808

СРПСКА АКАДЕМИЈА НАУКА И УМЕТНОСТИ
И
ИНСТИТУТ ЗА СРПСКИ ЈЕЗИК САНУ

ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

КЊ. LXXI, СВ. 1–2

Уређивачки одбор:

*др Јасна Влајић-Појовић, др Даринка Горџан-Премк, др Рајна Драгићевић,
др Најда Иванова, др Александар Лома, др Алина Ј. Маслова,
др Софија Милорадовић, др Мирослав Николић, др Слободан Павловић,
др Предраг Пипер, др Слободан Реметић, др Живојин Сјанојчић,
др Срејко Танасић, др Анађолиј Турилов, др Зузана Тојолињска,
др Викџор Фридман*

Главни уредник

Предраг Пипер

БЕОГРАД

2015

СЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Международная коллективная монография / отв. ред.
М. И. Чернышева. – М. : Азбуковник, 2013. – 886 с.

В лингвистической литературы словари занимают особое место. С одной стороны, это самый очевидный жанр: любому человеку ясна потребность: что нужны, книги, объясняющие непонятные слова. Любому же ясна и структура: упрощенно говоря, требуются две части (колонки) – 1) непонятное (толкуемое) слово (выражение) и 2) его значение (или перевод) или указания о каких-то особенностях (произношения, употребления, значения, происхождения и др.). Назначение словарей понятно всем, поэтому они есть почти в каждой семье. С другой стороны, эта функциональная простота, очевидность сочетаются с высокой сложностью создания данного предмета. Для подготовки хорошего словаря нужны многие часы человеческого труда, причем как неквалифицированного, технического, так и высококвалифицированного, требующего глубоких и обширных знаний, усердия и интуиции.

Ценнейшим подарком для лексикографов, лексикологов, переводчиков и др. стала книга *«Славянская лексикография»*. Она представляет собой внушительный том объемом 886 страниц. Готовили его 37 филологов из 12 стран Европы. Члены комиссии по лексикологии и лексикографии при Международном комитете славистов и несколько специально приглашенных экспертов начали работу еще в 2007 году, а закончили ее к XV Международному съезду славистов (Минск, 20–27 августа 2013 года). Выход этого капитального издания является важной вехой в развитии славянской филологии.

В книге пять частей:

– «История и современное состояние лексикографии в славянских странах» (с. 21–369) (11 очерков, расположенных по алфавиту названий стран);

- «Лексикографія славянских языков» (с. 373–442)
- «Лексикографія в России» (с. 445–652);
- «Славянская лексикографія в неславянских странах» (с. 655–676);
- «Вопросы теории лексикологии и лексикографии славянских языков» (с. 679–724).

Полезным дополнением к книге стало приложение, в котором размещены переводы на русский язык очерков на других славянских языках. Открывает книгу предисловие ответственного редактора доктора филологических наук М. И. Чернышевой, а закрывают «Сведения об авторах».

Во всех работах первой части присутствует исторический раздел (как появлялись словари), типологический раздел (выделение видов словарей, обзор имеющихся и недостающих видов) и, кроме того, некоторые авторы рассматривают вопросы методологии. Рассказывается о словарном деле во всех славянских странах, кроме Боснии и Герцеговины и Черногории. Эти материалы отлично дополняются четвертой частью – очерками о славянской лексикографии в Германии (представлены также словари серболужицких языков) и Швеции.

М. И. Чернышева справедливо подчеркивает, что «результаты лексикографической деятельности, с одной стороны, отражают современные достижения филологии, с другой стороны, выходят за границы этой гуманитарной дисциплины, поскольку они свидетельствуют об уровне культуры и об определенном цивилизационном состоянии в данный исторический момент, мало того – лексикография и ее произведения оказываются включенными в процесс развития, а в определенный исторический период и становления национальной культуры» (с. 10).

Непосредственное влияние общественной жизни на словарное дело прослеживается и в его периодизации. В нескольких очерках выделяются разные этапы истории лексикографии. Т. Пиотровский отмечает: «Историю словарей в Польше можно разделить на три периода: с начала до 1795 года, годы 1795–1939, наконец период с 1945 до настоящего момента. Это деление развития лексикографии совпадает с политической историей Польши: период независимости до 1795 года, период разделов вместе с кратким периодом политической независимости, а затем независимость с 1945 года, относительная до 1990 года и полная после того года» (с. 121). З. Гладка и О. Мартинцова разделяют чешскую лексикографию на следующие

периоды: начальный этап (до 15 в.), гуманизм (16 в.), 17 в., возрождение (18 – начало 19 в.), лексикографический труд Йозефа Юнгмана, 20 век.

Между тем лучшей остается периодизация, которую еще в 1977 году предложил В. Г. Гак: 1) дословарный период («основная функция – объяснение малопонятных слов»), 2) ранний словарный период («основная функция – изучение литературного языка, отличного у многих народов от разговорной речи»), 3) период развитой лексикографии («связанный с развитием национальных литературных языков»)¹. В дополнение к этому В. К. Щербин предлагает еще и период научной лексикографии: «Основаниями для выделения такого дополнительного периода служит быстрое развитие в последней трети XX в. теоретической лексикографии (или металексикографии) и подчеркнутое внимание лексикографов разных стран к отражению национального видения научной картины мира в специальных словарях разных типов (терминологических справочниках, энциклопедиях, классификаторах, рубрикаторах, дескрипторных словарях, информационно-поисковых тезаурусах, концептуариях и др.), количество которых в последние годы стремительно растет» (с. 23).

Для понимания закономерностей развития славянской лексикографии существенным оказывается понятие традиции. Ее обсуждают и белорусские, и российские, и словацкие, и чешские лексикографы.

Важно отметить такие позитивные явления, как взаимовлияние и взаимообогащение лексикографов разных стран. Это подтверждает создание немецких, польских, македонских и чешских словарей валентности, а также ассоциативных словарей в России, Сербии и Болгарии. Русские ученые содействовали становлению и словацкой лексикографии: «А. В. Исаченко воспитал целую плеяду лексикографов, которые продолжили его работу и углубили теорию двуязычной лексикографии (Братиславская лексикографическая школа)» (с. 874). На немецких словарниках повлияли «Пражская лингвистическая школа, русский структурализм, а также лексикографический опыт в славянских странах» (с. 661)

Многие авторы (например, словацкая исследовательница А. Ярошова, чешские З. Гладка, О. Мартинцова и белорусский В. К. Щербин) указывают на важнейшую, основополагающую роль большого

¹ Гак В. Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте) // *Актуальные проблемы учебной лексикографии* / сост. В. А. Редькин. М.: Рус. яз., 1977. С. 11–27; цит. по: *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990. С. 258.

толкового словаря. На это же обращают внимание и В. П. Гудков с Е. И. Якушиной: «Словарь Сербской академии – это грандиозный проект... <...> По широте охвата диалектной лексики и сообщения разного рода этнографических данных в иллюстрациях словарь является энциклопедией народной жизни» (с. 149–150). Н. Иванович указывает: «...развитак кодификације српског језика у његовој најзначајнијој фази, у знатној мери обележен управо историјским развојем великог описног Речника САНУ» (с. 196). Г. Н. Складарская в статье Современная русская лексикография: достижения и лакуны» подчеркивает, что «...именно фундаментальный толковый словарь ставит своей задачей отразить концептуальную картину мира, реализованную в описываемой лексико-семантической системе языка» (С. 588). Неслучайно поэтому, что даже в России, где существует несколько хороших, проверенных времен, выдержавших несколько изданий толковых словарей, подобные книги продолжают выходить: например, «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т. Ф. Ефремовой (Москва, 2000), «Современный толковый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой (Москва – Минск, 2005), «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» (отв. ред. Н. Ю. Шведова, Москва, 2007), «Новый толковый словарь современного русского литературного языка с расширенными сведениями о слове» (авт. Е. М. Лазуткина, Е. С. Копорская и др.; готовится) и др.

Интересно, как различные исследователи понимают сам предмет описания (исследования). Б. Тафра и Ж. Финк-Арсовски пытаются очертить круг своих интересов следующим образом: «В настоящей работе мы исходили из двух критериев, причем один из них применялся по отношению к периоду до 1918 г., то есть до образования Югославии, а второй использован для периода после 1918 г. Первым критерием является языковой, единственно возможный. Если в работе представлена хорватская лексика, то труд относится к истории хорватской лексикографии. Согласно этому критерию некоторые старые хорватские многоязычные словари принадлежат не только хорватской, но, к примеру, венгерской лексикографии (Вранчич – Vrančić, Ямбрешич – Jambrešić). Этот критерий не применяется по отношению к современным словарям, которые составляют зарубежные лексикографы, публикуя в своих государствах. Что же касается словарей, вышедших в XX веке под различными названиями языка, то в этом случае основным критерием является территориальный. То есть, словари, вышедшие в Хорватии, принадлежат

хорватской лексикографии, а словари, опубликованные в Сербии – сербской лексикографии» (с. 311). Такая позиция, конечно, небузупречна, хотя бы потому, что приводит нас к необходимости четко разграничивать языки (т. е. тексты), а сделать это непросто, особенно в прошлом. В. К. Щербин относит к белорусской лексикографии все словари, в которых присутствует белорусский язык, независимо от территории создания. Словацкий язык присутствовал в словарях, созданных на территории современных Венгрии, Словакии и Чехии.

В нескольких очерках авторы рассматривают типологию словарей. Радикальных новшеств не предложено, а наиболее интересной и полной представляется классификация В. В. Дубчинского (с. 259; выделения автора):

1. Электронные / Бумажные :	
2. Переводные (дву- и многоязычные) / Одноязычные	
3. Обратные (инверсионные) / Идеографические / Алфавитные	
«Лексические»:	«Нелексические»:
4. Толковые	15. Фразеологические
5. Иностраных слов	16. Сокращений
6. Языка писателя	17. Словообразовательные
7. Ономастические	18. Орфографические
8. Этимологические	19. Орфоэпические
9. Исторические	20. Частотные
10. Неологизмов	21. Ассоциативные
11. Синонимов, антонимов,
паронимов, омонимов	
12. Терминологические	
13. Диалектные	
14. Жаргонные	

Примечателен и вывод украинского исследователя, который практически обесценивает все попытки классификации: «В современной украинской лексикографии, без сомнения, преобладают комплексные (смешанные) типы словарей. Тип словаря – условная категория, которая описывается благодаря определенному набору лексикографических аспектов-параметров. Следует иметь в виду условность «чистоты» словарного типа. Сейчас уже, пожалуй, трудно найти абсолютно «чистое» по типологии лексикографическое

произведение, в котором полностью бы отсутствовала дополнительная (иноаспектная) информация» (с. 293). Тенденция к комплексности асболютна понятна и оправданна. Порой пользователя интересует только значение слова. В большинстве же случаев мы хотим «присвоить» новое слово, т. е. научиться и самим употреблять его в дальнейшем. А для этого, ясное дело, необходимы сведения и о произношении, и об изменении, и о сочетаемости, и о коннотации. Требование интегрировать словарь и грамматику воспринимается сегодня как само собой разумеющееся.

В связи с этим не совсем понятно пафосное замечание ответственного редактора книги о том, что «лексикография – это не просто динамично развивающаяся отрасль языкознания, но развивающаяся супердинамично. Одно из следствий этого – появление новых разновидностей словарей и концептуально новых разработок» (с. 13). Лексикография, несомненно, развивается, однако не ясно, о каких концептуально новых разработках идет речь. В качестве примера приводятся «*Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*» под редакцией Ю. Д. Апресяна, однако синонимией Ю. Д. Апресян занимался еще в 1950-х гг. и в 1979 году под его руководством вышел «*Англо-русский синонимический словарь*». Указанные «новые» идеографический и орфоэпический словари – тоже старые жанры. «Активные» словари известны с начала XX века. Так, для Л. В. Щербы в 1939 году уже было очевидным деление на словари для чтения (понимания) и на словари для построения фраз, что он и отразил в предисловии к «*Русско-французскому словарю*».

Если толковые словари понемногу отражены в разных очерках, то ассоциативная лексикография удачно описана в очень содержательной статье Р. Драгичевич и М. Стефанович (Сербия) (с. 390–404). Они представили историю и достижения славянской лексикографии (приводится обширная библиография). Авторы участвовали в создании ассоциативного словаря сербского языка (под редакцией П. Пипера) и делятся практическими рекомендациями по формированию списка стимулов, организации эксперимента, обработке его результатов, подготовки словарной статьи и интерпретации реакций респондентов с точки зрения описания языковой картины мира.

Как можно заметить, российской лексикографии посвящена почти треть рецензируемого издания (212 из 706 страниц оригинального текста). В 11 очерках представлены орфоэпические, диалектные, исторические и авторские словари, а также ныне разрабатываемые

лексикографические проекты. Этимологическая и корпусная лексикография, к сожалению, отсутствуют.

Две работы в этой части принадлежат Ю. Д. Апресяну: о словаре синонимов и об активных словарях. Главные идеи таковы последней таковы.

«Основная формула пассивного словаря – много слов, минимальная информация о каждом слове, достаточная для его понимания в произвольном контексте. О слове *мнение*, например, достаточно сообщить, что это – оценочное суждение о чем-л., основанное на опыте, вкусах или умозаключениях субъекта. Этого достаточно, чтобы понять его в произвольном контексте.

Основная формула активного словаря – существенно меньше слов, но по возможности полная информация о каждом слове, необходимая для его правильного употребления в собственной речи говорящих. При таком подходе в фокусе внимания лексикографа чаще всего оказывается не вполне свободная сочетаемость слова. Она представляет наибольшие трудности и при усвоении родного языка, и при изучении иностранного языка. Для того же слова *мнение* в активном словаре необходимо привести: 1) сочетания с прилагательными, например, *твердое <сложившееся> мнение, высокое <лестное, положительное> мнение, невысокое <низкое, нелестное, отрицательное> мнение, субъективное <предвзятое, спорное> мнение, объективное <непредвзятое> мнение, общественное <личное> мнение, общее <единое> мнение; 2) сочетания с существительными, например *столкновение <борьба> мнений, разноречивость <пестрота> мнений; 3) сочетания с глаголами, при которых мнение играет роль дополнения, например, *иметь мнение, быть какого-то мнения, держаться мнения, приходиться к мнению, выразить свое мнение, оставаться при своем мнении, отказываться от мнения, отвергать <разделять> чье-л. мнение, менять мнения; 4) сочетания с глаголами, при которых мнение играет роль подлежащего; ср. *Мнение складывается <создается, укореняется>, Мнение изменяется, Мнения сталкиваются <расходятся, сходятся, совпадают>*» (с. 471–472).***

Полезно также обратить внимание на предостережение Ю. Д. Апресяна об отборе лексики: «Итак, наличие каких-то фактов в текстах еще не является свидетельством того, что они являются и фактами языка и, тем самым, подлежат включению в нормативные грамматики и словари (а активный словарь не может не быть нормативным). Необходим эксперимент, использующий непосредственную

языковую интуицию говорящих по поводу того, что правильно, а что неправильно в языке, результаты которого должны быть объяснены с точки зрения современной лингвистической теории. Только после этого принимается окончательное решение о статусе данного явления в языке и о том, надо ли его включать в словарь» (с. 475).

Статья российского академика, безусловно, важна и интересна, но публикуется она (с несколькими мелкими правками) уже как минимум в пятый раз².

Для лексикографов непосредственно полезными в практической работе будут элементы (языковые классы) словарной статьи, которые предлагает Е. С. Копорская: классы: «1) частеречный, 2) акцентологический, 3) орфоэпический и орфографический, 4) формы словоизменения, 5) собственно грамматический (внутри части речи, например, у имен существительных – одушевленность, собирательность, *pluralia tantum*, у глаголов – вид, грамматически выраженный способ действия, возвратность), 6) семантическая структура слова (толкование значений слов будет строиться по классическим образцам толковых словарей, т.е. при толковании слов не будут использоваться ни специальный метаязык, ни особые символы), 7) синтаксические связи слова, их сила и слабость, 8) семантические связи, отнесенность к лексико-семантическим разрядам слов, 9) деривационный, 10) стилистический, 11) функциональный (по сферам употребления), 12) квалификационный и оценочный, 13) фразеологический, 14) хронологический (и локально-хронологический или только локальный), 15) этимологический и лексико-исторический (история слов), 16) энциклопедический» (с. 539)

² Предыдущие варианты см. здесь:

1) *Русский язык в странах СНГ и Балтии* : междунар. науч. конф., Москва, 22-23 октября 2007 г. к Общему собранию Российской академии наук / [под ред. А.П. Деревянко и др.]. Москва : Наука, 2007. С. 375–385. <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=7166c819-9bb7-4703-afe3-e29c58f75d96> ; <http://www.ras.ru/News/ShowNews.aspx?ID=1be890c1-c7a5-48c3-9be0-28b91cb66bc1>

2) *Вестник Российской академии наук*. 2008. Том 78. № 5. С. 399–403. <http://www.ras.ru/FStorage/download.aspx?Id=a21fb990-9666-45f1-895c-a94b565ca8e4>

3) *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). Вып. 7 (14). Москва: РГГУ, 2008. С. 23–39. <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/4.htm>

4) *Перспектив активнаго словаря русскогo языка* / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010. 784 с.

В целом книга «*Славянская лексикография*» является уникальным справочником. Она совмещает в себе и историю, и критику, и теорию, и методологию лексикографии славянских языков, ее связи с другими дисциплинами и науками. Весьма позитивно следует оценить и списки словарей – благодаря им книга становится ценным библиографическим справочником. Нет сомнения, что долгие годы она будет полезна студентам, преподавателям, теоретикам и практикам лексикологии и лексикографии. Представленные в ней проблемы, достижения и издания послужат ориентиром для будущих исследователей и составителей словарей, для изучения славянских культур.

*Микита В. Супрунчук**
Белоруски државни универзитет
Универзитет у Београду

* suprunchuk@tut.by